

Париж. Окуджава.

Рос. газета, — 2001, — 9 июля, — с. 8

Последние дни

Рассказывает друг поэта Анатолий ГЛАДИЛИН

КОГДА Булат был молод и не знаменит, он приходил в мой дом на Большую Молчановку, и я его записывал на магнитофон. Мой дом! Хорошо звучит... На самом деле это была одна комната в коммунальной квартире, куда тем не менее каждый вечер набивалось много народу, так как ЦДЛ был совсем неподалеку. И каждый вечер я крутил гостям песни Окуджавы, а Булату говорил: "Записаться на мой магнитофон — это все равно, что напечататься в журнале "Юность". Журнал "Юность" тогда был жутко популярным...

Потом прошло много-много лет, советским гражданам стало опасно встречаться с бывшими друзьями, политэмигрантами в Париже. Опасно не в том смысле, что под конвоем вернут в Москву и расстреляют, но за границу не выпустят — это уж точно. Знаю людей, впоследствии горланов перестройки, шагавших в первых рядах российской демократии, которые

го прошлого. Вот одна из них, по поводу страхов.

— Да что меня героем выставлять? Боялся, как и все. Помнишь, как я приехал с большой делегацией советских поэтов? Симонов, Рождественский, Евтушенко, Высоцкий... Выступаем в огромном зале, зал битком, я знаю, что мои друзья-диссиденты присутствуют, но все на задних рядах, чтобы меня не компрометировать. А в первых рядах — советское посольство. И вдруг вижу во втором ряду Вику Некрасова! Я думаю: неужели я такая сволочь, что испугаюсь поздороваться с ним? Я спускаюсь со сцены и прямо на глазах всего посольства обнимаюсь с Викой. И что любопытно: потом мне никто из посольских слова не сказал, все сделали вид, что не заметили...

Булат был у меня в субботу, а в понедельник позвонила секретарша Федотова и сказала, что выступление Окуджавы в представитель-

смотри, на войне мы же были все время по колено в воде, шинель рваная, дрожь от холода как цуцки — и никакая холера не брала! На войне не простужались, а теперь — какой-то идиотский грипп, и пошло...

— Перестань, я давно не самый популярный человек в России, но я к этому отношусь очень спокойно. Помню, как-то, когда мы выступали на стадионе, я сказал Жене и Андрею: "Ребята, вы думаете, что вот эти десять тысяч, что пришли нас слушать, любят поэзию? Мы просто сейчас в моде, и от нас ждют какого-нибудь подтекста, чего-нибудь запрещенного. А истинных любителей, например, моей поэзии, всего-то человек пятьсот". Теперь мода ушла, а эти пятьсот остались...

— Мне не нравится, что наши ребята — ну, ты понимаешь, о ком я говорю, — начинают употреблять в своей поэзии матерные слова. Хотят не отстать от молодежи? Надеюсь, это пройдет...

ски. Меня заверили, что отныне ежедневно они сами будут наливать тебе Окуджава чай.

Вот такая мелочь, которая тем не менее отравляла Булату существование в прекрасной солнечной палате.

Вести из госпиталя становились все тревожнее и тревожнее. 10 июня в 11 вечера нам позвонила Оля: "Я в панике. Булату очень плохо. Я не знаю, к кому обращаться. По-русски здесь никто не говорит". Мы сказали, что сейчас свяжемся с дочерью. Моя жена позвонила в комендатуру госпиталя и попросила, чтоб к месяце Окуджава пропустили переводчицу. Срочная необходимость. В комендатуре заверили, что никакие препятствий не будет.

Утром следующего дня мне по каким-то своим делам надо было оказаться в этом пригороде, и, опасаясь парижских пробок, я приехал туда очень рано. Приехал и подумал: "Раз у меня есть время, еду к дочери". Выяснилось, что с вечера она домой не возвращалась. Я отвел детей в школу и пошел в госпиталь — не для того, чтоб нанести визит — в такую рань визиты не приняты, а просто узнать, что происходит. Дверь в палату была открыта. Я увидел, что Оля сидит у постели Булата, а сам Булат... Позвольте мне никому никогда не рассказывать, в каком состоянии я его увидел. В палате еще находилось пять человек в белых халатах. Дочь вышла ко мне и сказала, что у Булата сильное кровотечение, открылась язва, его переводят в реанимацию, а ее просят побыть там, пока он не заснет, ибо ему надо отдохнуть, второй такой ночи он не выдержит.

Потом дочь Алла звонила в реанимацию, и ей отвечали, что разговаривают с ней, потому что она — переводчица месяце Окуджава, а вообще на них обрушился шквал звонков — из посольства, торгового представительства, из Москвы, им некогда разговаривать, око-

Собирайтесь-ка, гости мои, на мое угощение... Последний вечер Б. Окуджавы перед роковой болезнью.

мужественно этой опасности избегали. У меня нет к ним никаких претензий. Жизнь есть жизнь. А вот Окуджава уже прямо с вокзала звонил Виктору Некрасову, Владимиру Максимова и мне. Говорил примерно следующее: "Только, извини, что я сразу не позвонил. Поезд как полчаса пришел, но я не мог найти автомата". То есть ему важно было сразу показать и зафиксировать: он никого и ничего не боится.

Потом опять изменились времена, и в мае 1997 года Булат позвонил мне из Германии и сказал, что они с Олей хотят приехать в Париж просто так, отдохнуть, побродить по городу. И не найду ли я ему гостиницу?

— Пожалуйста, — ответил я. — Но ты же всегда останавливаешься у Федотова, на рю де ля Тур (Михаил Федотов тогда был послом России при ЮНЕСКО, а на улице де ля Тур — дом, где живут российские сотрудники ЮНЕСКО).

— Да, мне там хорошо, — сказал Булат, — но не хочется лишней раз беспокоить Федотова, навязываться.

— Вот это уж моя забота, — ответил я. — Я позвоню Федотову и в зависимости от интонации...

Позвонил. Федотов среагировал мгновенно, и через неделю Булат уже звонил мне с улицы де ля Тур, что все прекрасно, ему все рады, и когда увидимся?

Договорились, что встретимся у меня дома. Гости приехали, и Булат весьма критически осмотрел наш "французский" стол.

— Не, — сказал он, показывая на вина. — Мне нужна водка, крепкая водка. — И объяснил, что он на сильных лекарствах и простужаться ему никак нельзя, а водка — она микробы убивает.

Крепкая водка нашлась, и, может, потому что кроме привычной старой компании присутствовали еще несколько человек, Булат был особенно в ударе. И вспоминал какие-то смешные истории из наше-

стве ЮНЕСКО отменяется: Булат Шалвович заболел.

Я честно рвался на улицу де ля Тур, но Булат был непреклонен: "У меня грипп, а у тебя внуки. Ты их еще заразишь. Обо мне забываются, лечит меня посольский врач. Не беспокойся, все будет нормально".

Увы, грипп перешел в воспаленные легкие, и Оля сообщила, что Булата отвезли сначала в один парижский госпиталь, затем в другой, а потом привезли в лучшую клинику Франции по легочным заболеваниям — военный госпиталь Перси. Оля безотлучно дежурила у постели Булата, туда поочередно приходили Маша Федотова, жена посла Фатима Салказанова, Саша Гинзбург, сын диссидента Алика Гинзбурга. Мне удалось навестить Булата лишь однажды, когда я ему доказал, что не еду специально, ради него, в Кларм — пригород Парижа, а просто рядом с госпиталем живет дочь Алла, а у меня "родительский день". Я погулял с детьми (так я называю своих внуков), а затем зайдю к нему.

МОДЕРНОЕ здание армейского госпиталя искрилось и сверкало на солнце. Я нашел Булата во втором этаже, в отдельной большой, светлой, чистой палате. Но человек лежавший на постели, к которой были подведены разные медицинские трубки и провода, очень мало был похож на того веселого гостя, который побывал у меня десять дней тому назад. Лишь постепенно, в ходе разговора Булат как-то оживился, глаза его заблестели. Я не буду воспроизводить диалог, никому не важно, что я ему отвечал, но вот то, о чем говорил Окуджава, думаю, интересно.

— Ты знаешь, в годы войны я мечтал попасть в госпиталь, не для того, чтобы там отсидеться, переждать, — нет, мечтал попасть хотя бы на два дня, чтобы отоспаться. Какие были военные госпитали, можешь себе представить... Очень жесткое лечение мне дают... Вот

— Между прочим, вот этот критик, он работал тогда в толстом журнале, ну, помнишь, процветающий был тип в советское время, так вот, он написал такую кислую рецензию на мой "Упраздненный театр". И знаешь, в чем он меня упрекает? В том, что я с любовью пишу о своих родителях-коммунистах! А как я могу не любить отца и мать?..

— Вот я в Комиссии по помилованию у Анатолия Приставкина. По двести дел разбираем на каждом заседании. У всех на слуху "русская мафия", "киллеры", "заказные убийства", "чеченцы", "лица грузинской национальности", "сексуальные маньяки". А я тихонько веду свою статистику. И по ней получается, что 96% убийц — из рабочих и крестьян, 97% — русских, и 99% убийств — по самой элементарной бытовой пьянке! Да фигу эту статистику кто-либо напечатает. А я спрашиваю: что, действительно гибнет наш народ, сливается? Ты видишь какой-нибудь выход?..

Только один раз он меня попросил:

— Ты не можешь у них узнать, почему мне не дают чаю?

Я побежал к медсестрам, которые, собравшись в кружок, рассматривали журналы "от кутюр", и приговорили скандалить, но меня заверили, что для месяце Окуджава привозят на століке полный чайник утром и днем. А вот вечером чай не положен. Я вернулся в палату и передал наш разговор Булату. Булат грустно поник головой: "Врут". В дикой ярости я бросился опять к медсестрам, но они мне вежливо объяснили, как все происходит. На завтрак и на обед месяце Окуджава привозят столик с едой и чашкой, в которой лежит пакетик чая, а горячий чайник стоит рядом. Месяце Окуджава должен сказать: "Налейте мне чаю". Однако он этого почему-то не говорит, и ему не наливают. Я в свою очередь объяснил, что месяце Окуджава просто не знает, как это сказать по-француз-

ло месяце Окуджава дежурят четыре врача, делаем все возможное.

12 июня к вечеру дочери позвонили из реанимации и попросили сообщить мадам Окуджава скорбную весть...

Врачи научились делать очень многое. Иногда медицина творит чудеса. Но врачи не могут одного: отменить смерть...

А теперь я позволю себе добавить несколько горьких слов.

ПЕСНИ Окуджавы были знаменитыми шестидесятиниками. Истинные шестидесятники — это опытные литераторы и художники, кинематографисты и ученые, это ближайшее окружение академика Сахарова, правозащитники и диссиденты. Они подвергались репрессиям, их вынуждали к эмиграции или загнали в угол, они никогда к власти не рвались. Их ряды редели, однако если раньше можно было провести границу по принципу: кто продается, а кто — нет, то сейчас эта граница размывается. Многие талантливые люди, ошалева от так называемых рыночных отношений, ударились в чернуху и порнуху, обслуживают власть имущих и нуворишей, изобретают из себя пророков, вещают чудовищные глупости, спускают штаны на потеху публике, крикливо по телевизору, и не устая кричат: "Я гениальный, я знаменитый, меня поют, меня танцуют, я популярен во всех странах, принят в клубы, занесен в справочники..." Но пока был жив Окуджава, при одном только его появлении "гении и знаменитости" начинали заикаться, сбавляя тон, — все-таки и ему было понятно, кто есть кто.

Странное дело: человек тихонько в своем углу пощипывал струны гитары, сочинял исторический роман — и этого было достаточно, чтоб его коллеги не теряли остатки разума, совести и что там еще? К вопросу о роли личности в Истории и обществе...

Об смерти Окуджавы кончилась эпоха.